

точка приложения усилий интернет-акционизма: нельзя же направлять воздействие на информацию, а на симулякр конкретного человека вполне можно.

Если существуют «демоны», то должны быть и «ангелы». «Мы мобилизуем самых лучших и ярких» для противостояния Трампу (воскликнули его оппоненты)¹.

Кто же эти лучшие? Прежде всего, деятели искусства — актеры, певцы, музыканты, затем — видные общественные деятели. Почему именно они? Для ответа на этот вопрос прибегнем к концепции мистика-визионера XII века Иоахима Флорского. Этот мыслитель разработал концепцию новой эпохи — эры Святого Духа, в рамках которой деконструкции подвергнется не только государство, но и церковь, а известным ему мировым сообществом станут управлять специальные *virī spirituales* — духовные мужи. Само же общество или общества будут трехсоставны: низший слой будут представлять люди материальной культуры, их в свою очередь станут наставлять люди «Слова», а теми будут управлять духовные люди, которые уже не нуждаются в письменных библейских источниках².

Концепцию Иоахима Флорского последовательно развили сначала Тамплиеры, затем масоны, а затем и протестанты. С этой точки зрения деятели искусства — наиболее ярко выраженные носители «духа» — таланта или христианской харизмы. Показательны так же термины «элита» и «интеллигенция». Элита — дословно «избранные», а интеллигенция — «просветители», то есть, если взять за аналогию термины эпохи просвещения, — масоны и иллюминаты. Русско-советский термин «интеллигенция» особенно интересен, так как описывает не эрудитов-интеллектуалов (как в тех языках, из которых он взят), а именно деятелей искусства, науки или общественных деятелей, несомненно, выдающихся в своей области, но некомпетентных в той сфере, в которую они призваны как интеллигенты.

Завершить наше исследование можно следующими выводами: глубинное государство функционирует как кодификация дискурсивных свойств или хронотопических условий, которые организуют и ратифицируют процессы смыслообразования. Мы не наблюдаем, указывают исследователи³, случайного скопления людей, введенных в заблуждение ложными впечатлениями и фальшивым фактами: мы видим регламентированное сообщество, коллективно выполняющее набор четко определенных и специализированных жанровых действий с массовым алгоритмически опосредованным распространением сообщений, оказывающих значительное влияние на общественное мнение путем систематического (и разумного) вытеснения и переосмысления того, что широко признано истиной.

Треушников Илья Анатольевич

Ilya A. Treushnikov

доктор философских наук, доцент, начальник
кафедры философии Нижегородской академии
МВД России

Поиск правового смысла

Search for legal meaning

Тема, рассматриваемая в рамках сегодняшнего круглого стола, представляется чрезвычайно интересной и актуальной. О кризисе классической государственности и права говорят достаточно давно, предвещая прогрессирование дисфункций публично-властной сферы, рост влияния транснациональных корпораций, подчиняющих себе или замещающих собой структуры государства, размывание правовых основ организации общества на всех уровнях. Эти процессы действительно находят подтверждение и не могут не вызывать беспокойство. Автор рассматриваемой моногра-

¹ Levine, M. (May 30, 2020). “No Blame?” ABC News finds 54 cases invoking “Trump” in connection with violence, threats, alleged assaults”. ABC News. Retrieved February 4, 2021.

² Париков О. В., Собко Р. В. Концепция духовной мудрости Иоахима Флорского и ее связь с русской христианской гносеологией // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. № 2. С. 160—170. DOI 10.5840/dspl20181225.

³ Maly, Ico (2018). The global New Right and the Flemish identitarian movement. Schild & Vrienden Acase study. Tilburg Papers of Culture Studies, Paper 220: 1—27; Schaffner, Brian F.; Macwilliams, M.; Nteta, Tatishe (March 2018). “Understanding White Polarization in the 2016 Vote for President: The Sobering Role of Racism and Sexism”. Political Science Quarterly. 133 (1): 9—34. Doi:10.1002/polq.12737.

фии специально фиксирует внимание на деструктивных процессах, происходящих в сфере политики и права, проводит их обстоятельный анализ и находит достаточное количество подтверждений трансформации государственно-правовой системы. Изменения, которые наблюдаются в этой сфере, могут постепенно привести к коллапсу действующей системы и даже к легализации состояния «войны всех против всех»¹. При всей смелости данного предположения оно не выглядит безосновательным. Можно согласиться с автором и в том, что трансляция позитивистских установок в правосознании приводит к оправданию насилия в качестве права, а история, как мы уже отмечали в рамках предшествующего круглого стола, «дает нам достаточно примеров произвольного использования силы политической властью в своих интересах»².

Возможно, что столь пессимистический взгляд на перспективы современной государственно-правовой модели может представляться крайностью. Мировая история демонстрирует нам немало примеров государственно-правовых кризисов. Публично-властные структуры цивилизаций прошлого, как нам известно, разрушались с той или иной степенью периодичности. Можно предположить, что для представителей этих цивилизаций обозначенные процессы представлялись такими же катастрофическими, как и современные деструкции права для нас. При этом человеческое сообщество, так или иначе, находило известную форму равновесия, позволяющую социальному организму продолжить поступательное развитие. Вне всякого сомнения, можно заметить и различия между кризисами прошлого и современными процессами. Они выражаются, прежде всего, в масштабах и связаны с глобальным характером современной цивилизации. Кроме того, невозможно проигнорировать особенности технического и информационного характера. Они оказывают существенное влияние на трансформацию самого характера и смысла правового регулирования. Как справедливо заметил автор рассматриваемого исследования, «технизации и нейтрализации нормативной системы права во многом способствует использование в правовом регулировании и правореализации новейших информационных технологий». Особенно значимо то, что, «такая нормативность не обращается к воле субъектов, а непосредственно определяет их действия»³. Современные информационные технологии позволяют создать инструменты правового регулирования, которые способны существенно приблизить социально активную часть населения, заинтересованную в участии в принятии политических решений, к объекту управления. В то же время, очевидно, что инструмент этот обоюдоострый и может способствовать совершенствованию методик манипулирования общественным мнением и подмены самой сущности и смысла права.

В настоящее время количество работ, посвященных вопросу *смысла* правовой или политической реальности, не очень велико. Можно заметить и то, что «смысл правовой политики» как таковой либо не выделяется в качестве отдельного значимого аспекта, либо вообще не выступает предметом исследования. При этом вопросу о смысле права посвящено некоторое количество работ. Этот факт, по всей видимости, иллюстрирует соответствующую тенденцию, которая была заложена в отечественную правовую мысль еще в период перехода от классического к неклассическому типу научной рациональности⁴. В настоящее время вопрос о смысле права обстоятельно анализируется в различных аспектах рядом авторов (особенно заметны работы Ю. А. Гавриловой) и, что особо примечательно, рассматривается в контексте современного исследовательского тренда цифровизации. Указанный автор справедливо отмечает не только потенциальные преимущества, но и гуманитарные угрозы, которые несет с собой ориентация на «цифру» в качестве самостоятельной цели. Предлагается интегрировать научный и технологический прогресс в «человеческую действительность», сохранив смысл права и актуальность традиционных правовых процедур, выступая против замещения виртуальностью подлинного человеческого бытия в качестве основы современной российской правовой реальности⁵. Эта проблематика приобретает все

¹ См.: Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетей, 2020. С. 342.

² Треушников И. А. Право на власть или власть права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 265.

³ См.: Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетей, 2020. С. 325—326.

⁴ См.: Контарев А. А. Проблема сущности и смысла права в контексте перехода русского правоведения от классического к неклассическому типу научной рациональности // Философия права. 2016. № 6 (79). С. 95.

⁵ См.: Гаврилова Ю. А. Проблема смысла права в цифровом обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 608—609, 614.

большее значение на современном этапе. Совершенствование законотворческих технологий, распространение в этой сфере цифровых инструментов (блокчейн-технологии и т. п.), несмотря на их пока что ограниченное применение, требует рассмотрения вопроса о смысле правовой политики.

Следует указать на то, что в исследовательской литературе присутствует понимание различия между смыслом права и смыслом правовой политики. Собственно, человек выступает создателем и носителем смыслов, которые включает в реальность. Правовая реальность, рассматриваемая сквозь призму современных коммуникативных подходов, так же становится актуальной только в результате интерпретирующего акта субъекта. Данный подход, распространившийся в философии и теории права на современном этапе, восходит своими корнями к творческим поискам известных отечественных философов и правоведов рубежа XIX—XX столетий¹. В монографии А. В. Малько «Теория правовой политики», к которой обращается значимое количество современных специалистов, в дефиниции понятия «правовая политика» использованы смыслодерживающие характеристики, которые выступают в качестве цели для государственных органов и институтов гражданского общества. Автор предлагает понимать под правовой политикой деятельность, направленную на создание «эффективного механизма правового регулирования», который позволит «цивилизованно» использовать юридические средства для достижения ряда целей: формирования «правовой государственности», «высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности» и, на наш взгляд, в качестве приоритета, «наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина»². Фиксация внимания на субъективных правах личности выступает современной установкой, характерной для социально-гуманитарной области знания в целом.

И, несмотря на то что представление о правах человека достаточно прочно укоренилось в современном российском правосознании, отметим его недостаточность для определения смысла правовой политики в нашей стране. Учитывая особенности национальной культурной традиции, в которой приоритет целого над частями выступает генетической чертой, мы должны признать в качестве приоритета ценность и надличностного феномена, выражающегося в многоединстве народов России. В идеале смысл правовой политики, который формируется в системе государственной власти, и ее смысл, складывающийся в общественном сознании основной массы социально-активной части общества, должны принципиально совпадать. Только в таком случае тенденция к правовой бессмыслице, потенциально наметившаяся в настоящее время, может быть трансформирована в поиски правового смысла.

Ивашевский Станислав Леонидович

Stanislav L. Ivashevsky

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Правопорядок в условиях кризиса: к новой модели социального порядка

Law and order in a crisis: towards a new model of social order

Предложенный в монографии Р. З. Рувинского «Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы»³ подход к анализу глубинной трансформации правового бытия современного общества представляется значимым шагом по пути осознания многомерности кризиса сложившегося правопорядка и шире — определения вектора дальнейшего социального развития.

Рассуждения и выводы автора носят дискуссионный характер, что в ряде случаев он сам и подчеркивает, видимо, побуждая читателя к сотворчеству, диалогу в обсуждении столь масштабного и сложного комплекса проблем современности.

Так, рассматривая понятие «право» и указывая на его многогранность, автор останавливается в итоге на позитивистском «праве, как явлении, выраженном в нормативных предписаниях». Вместе

¹ См.: Контарев А. А. Проблема сущности и смысла права в контексте перехода русского правоведения от классического к неклассическому типу научной рациональности // Философия права. 2016. № 6 (79). С. 98.

² См.: Малько А. В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 34, 41.

³ Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетей, 2020. 350 с.